

поэтому часто связаны с мысленной (но не фактической) расшивкой объекта и не могут быть точными. Иное дело — подготовка объекта к переносу, транспортировке на территорию Музея; строение обнажается систематически от обшивки, накатов, накладок, оголяется скелет. Каждую часть его, каждую деталь можно при этом измерить, зарисовать, сфотографировать (и это необходимо делать для того, чтобы позже восстановить здание в его прежнем виде на территории Музея). Последовательно высвобождается каркас, изолируется печь, вскрывается подполье, разбирается кладка фундамента. Обратный процесс монтировки объекта в Музее снова дает возможность повторить или уточнить фиксацию деталей. Такой возможности в полевых условиях, конечно, нет.

Группирование на территории Музея строительных объектов, привезенных из различных районов, дает возможность производить наглядные сравнения этих объектов. Гораздо легче подметить при этом черты сходства или, наоборот, выявить отличительные особенности разных типов. Уже по экспонатам Бривдабас музея, имеющимся в настоящее время, можно судить о наличии единства в латышской материальной культуре и в то же время о взаимодействии этой национальной культуры с культурой народов-соседей. Проблема этногенеза латышей, не разрешенная до сих пор, станет яснее, если собранный в Музее материал будет научно обработан, а программа дальнейшего расширения Музея будет разработана этнографами и историками. Но и то, что собрано, очень значительно и научно ценно. Бривдабас музей не имеет щупальцев на периферии, у него нет научного аппарата, и он пока еще не является научным центром. Но подобный музей может и должен быть научным центром — в этом его назначение. Норвежский Фолькемузеум, шведский Скансен — это стационары крупных этнографических институтов. Они ведут научно-исследовательскую работу, организуют экспедиции, конференции, съезды, издают свои труды. Так должны быть организованы и наши, советские, этнографические музеи на открытом воздухе — они должны быть стационарами институтов этнографии Академии наук.

По примеру Бривдабас музея — первого и пока единственного этнографического музея на открытом воздухе в Советском Союзе — Эстонская ССР создает свой музей такого же типа. Остается пожелать, чтобы и другие республики заинтересовались этим делом. Но в особенности назрела такая необходимость для научного центра СССР — Москвы. Богатейшая и разнообразнейшая материальная культура народов СССР может быть представлена наиболее полно именно в музее такого типа. В Москве существует научный центр, который мог бы обеспечить развитие этого дела, надлежащую постановку исследовательской работы в стационаре, — это Институт этнографии Академии Наук СССР. Город Москва, столица Советской страны, увеличит свою красоту, создав на одной из окраин музей-парк, а входящие в СССР советские республики будут, несомненно, соревноваться в том, чтобы выделить для такого музея наиболее ценные в научном отношении объекты.

П. И. Кушнер

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ ПО ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРУ В ПОЛЬШЕ¹

До войны научные исследования в области этнографии и фольклора в Польше вели главным образом университеты и научные общества. Война и оккупация почти бесследно уничтожили эту фазу. Правда, во время оккупации велось обучение в тайных университетах Варшавы и Кракова, некоторые научные работники собирали документы; тем не менее не приходится даже говорить о каких-либо серьезных результатах в изучении этнографии в тот период. Война и оккупация в Польше, особенно последняя, лишили этнографов их места работы, лишили их на протяжении долгих лет возможности пользоваться публичными библиотеками и музеями, нередко до крайности ограничивая доступ к частным книгохранилищам. Значительно поредели ряды научных работников. Если прибавить к тому же полное опустошение научных кабинетов, уничтожение музейных экспонатов, карточек, архивов и рукописей, — то перед нами встанет мрачная картина разрушения и опустошений. Эта разруха, конечно, повлияла на работу польских этнографов и в период восстановления государства и польской науки.

¹ Публикуя полученную от Славянского комитета СССР статью профессора Варшавского Университета В. Дыновского, редакция выражает надежду на то, что представители этнографической науки других братских славянских народов поделятся с советскими учеными на страницах «Советской этнографии» информацией о своих работах.

Высшие учебные заведения

В первом же году стройки во всех высших учебных заведениях были восстановлены старые или учреждены новые кафедры по этнографии. На руководящие места были призваны новые научные силы (в Варшаве, Люблине, Торуне, Лодзи и Вроцлаве). Только в Кракове и Познани кафедры университетов заняли прежние профессора. В настоящий момент состав профессуры по этнографии и этнологии в польских университетах следующий:

Краков — проф. Казимир Мошинский, зам. проф. Тадеуш Северин.

Познань — проф. Евгений Франковский.

Варшава — зам. проф. Витольд Дыновский.

Люблин — проф. Юзеф Гаек.

Вроцлав — зам. проф. Роман Рейнфусс.

Торунь — проф. Боженна Стельмаховская.

Лодзь — зам. проф. Казимера Завистович.

Эти работники науки вместе с группой ассистентов и немногими уцелевшими этнографами составляют ныне скромный коллектив, который взял на себя всю организацию научных институтов и исследовательских трудов.

Одной из первых задач организации были поиски подходящих зданий для научных учреждений, снабжение их необходимой мебелью, аппаратурой и самое трудное — комплектование книгохранилищ. Ныне больше всего книг насчитывают институты в Люблине, Познани и Кракове. В ближайшее время, когда вернутся книги, которые вывезли оккупанты, в Варшаве положение тоже значительно улучшится. В смысле оборудования лучше всего обставлен Познанский институт этнографии и этнологии, который уже успел хорошо оборудовать фотографическое, чертежное и фотонаучное ателье.

Составлен проект реформы изучения этнографических и этнологических наук в высших учебных заведениях. Главной ее задачей является создание более подходящих условий для самостоятельного труда студента. По проекту четырехлетний курс учебы разделен на два двухлетних периода. Программа обязательных предметов для первых двух лет должна быть основой всестороннего изучения этнографии; особое внимание уделяется общественно-экономической истории, социологии и истории религий. Последние два года студент должен употребить на специализацию и научные исследования, соответствующие его призванию и интересам; вводится новый предмет — музееведение и обязательная практика в государственных музеях. Это даст этнографам (наравне с историками искусства) возможность работать в качестве музейных хранителей.

При обсуждении плана научных работ на первое место были выдвинуты исследования и сбор материалов на местах; эти работы следует вести коллективно, нередко обща с представителями смежных дисциплин. Решено создать коллективы этнографов, историков, археологов, географов и т. д. для совместных исследований комплексных проблем.

Наибольшее внимание польских этнографов направлено на возвращенные земли. Свыше двух лет ведутся исследования в Силезии и Мазурах. Цель этих работ — инвентаризация и охрана всех проявлений культуры, которые могли бы свидетельствовать о единстве польской этнической группы. Это единство можно лучше всего заметить в системе племенных связей, которые сохранились, несмотря на вековые стремления к искоренению национальных особенностей. Эти связи доказываются исследованиями обычаев, обрядов, песен, речи, материальной культуры, одежды, строительства и пр. Кроме того, изучается процесс урбанизации. На возвращенных землях этот процесс совпадает с онемечиванием польских элементов. Особенно благодарной темой является история городов Силезии в XIX в.

Соответствующие предварительные исследования по демографии и приросту населения в более значительных городах возвращенных земель отчетливо выявляют поглощение крестьянства промышленностью. В связи с этим необходимо установление сфер экономического и культурного тяготения к более крупным промышленным и административным центрам, в результате чего должен выясниться характер процессов, вызвавших разложение старых элементов культуры.

При исследованиях уделяется особое внимание Вроцлаву и его культурному значению. Вроцлав сыграл совершенно особую роль в экономической и национальной политике Германии не только как будущий крупный промышленный центр, но и как форпост для бисмарковской и позднейшей Германии в ее политике насильственной ассимиляции и экспансии на восток. Отсюда шла германизация в широкие народные массы. В частности, это коснулось и одежды местных польских крестьян. Вроцлавская текстильная промышленность, находившаяся исключительно в немецких руках, одела польское население по образцу южнонемецких крестьян и мещан. При помощи вроцлавских станков в деревни и города Силезии забрели яркие ленты, бусы, платки, тюлевые чепцы, вышитые корсажи и тому подобные принадлежности немецких национальных нарядов. Вроцлав был центром организации различных союзов, стремившихся привить в Силезии крестьянскую культуру южнонемецкого типа. Польская этнография в настоящее время выясняет, каковы же были результаты и размеры этой немецкой

деятельности. Мало того возвращенные земли теперь населены людьми с различным культурным прошлым. Новые поселенцы приехали частично из-за Буга и с Украины, частью же из перенаселенных территорий коренной Польши и очень различаются в отношении культурных традиций. Перед польской наукой, а в частности перед этнографией, возникли крупные исследовательские задачи всестороннего исследования возвращенных земель в их современном состоянии.

Необходимо упомянуть об индивидуальных трудах некоторых исследователей. Среди них находятся и узко специальные работы, имеются и крупные произведения, имеющие большое значение для науки, являющиеся продолжением довоенных трудов.

Деятельность научных обществ и институтов

Почти одновременно с восстановлением кафедр по этнографии и этнологии в высших учебных заведениях возобновили свою деятельность этнографические и этнологические секции антропологических комиссий при Академии наук в Кракове и Варшавском научном обществе. На совершенно иных началах работает Польское общество по народоведению в Люблине, объединившее в своих рядах активных представителей польской этнографии. Наряду с широко задуманной издательской деятельностью, это общество поставило себе сложную и трудную задачу — издание этнографического атласа польских земель. Правда, эта задача не является совершенно новой. Еще до войны покойный профессор Адам Фишер начал собирать соответствующие материалы при главном архиве Польского общества по народоведению во Львове. Прототипом этнографического атласа польских земель следует до известной степени считать также труды и материалы, частично уже опубликованные проф. К. Мошинским.

Кроме того, на метод картографического подхода к народной культуре следовало бы смотреть сквозь призму достижений в географической лингвистике — польской и иностранной. Огромное значение для этнографического атласа польских земель имели в этом отношении публикации К. Нитша о выделении лингвистическо-этнических и диалектических комплексов польского языка. Во многих трудах Нитша, особенно в труде «3 географии выразов польских», автор затрагивает область этнографии, создавая тем самым основы этнографических карт, иллюстрирующие этническую культуру Польши. Таким образом, главная задача предварительных работ над польским этнографическим атласом заключается в использовании материалов и трудов (опубликованных и неопубликованных), архивных и анкетных материалов, уцелевших музейных коллекций и, наконец, в исправлении неточностей и пополнении пробелов при помощи новых, специально составленных анкет и добавочных территориальных исследований, идущих по линии требований атласа.

В методологическом отношении (как и в самой концепции обработки атласа) можно использовать опыты трудов Гиллерона, Эдмонта, Данзата, кончая последними достижениями Шленгера в этой области (1934), Рера (1937), Маринуса (1931, 1932), Варанька (1932), Геплена (1935, 1936) и других.

При группировке материалов для атласа одним из жгучих вопросов является пополнение пробелов в обработке различных областей Польши. Дело в том, что Малая Польша, Карпаты, Силезия и Поморье исследованы сравнительно всесторонне, в то время как Великая Польша и Мазовия освещены далеко несовершенно. Ныне этнографическая секция Варшавского научного общества составила проект этнографического исследования мазовецких земель.

Надо также пролить научный свет на возвращенные земли. Результатом пополнения упомянутых выше пробелов будет относительно равномерный обзор всей территории. На последующем этапе работ это позволит подробно начертать точные рубежи основных явлений материальной, социальной и духовной культуры. Затем следует перенести центр тяжести на установление зависимости между диалектами и этнографическими границами. Достигнутые результаты позволят, с одной стороны, обнаружить группы явлений, свойственные только польской национальной культуре, подмеченные только на территории этнической Польши, а с другой, — создадут широкую исследовательскую базу, т. е. позволят провести сравнение с культурными особенностями других народов.

Таким образом, более отчетливо выступают общие для всех славян черты, равно как тесная или более отдаленная связь с балтийским, германским, иранским, индоевропейским, угро-финским и тюрко-татарским миром. Исходя из этого, картографическое изображение подробно исследованного материала, сопоставленное с графиками географической проблематики, покажет зависимость культурных явлений от условий природы в самом широком значении этого слова. Связь между явлениями территориального порядка и приспособленной к изучению процессов цивилизации хронологией значительно приблизит исследования по этнографии к историческим фактам. Таким образом, сложная проблема параллельного развития исторических явлений культуры станет понятнее и проще. Последнее же имеет большое значение для конечных целей науки. Более того, станет понятнее зависимость целого ряда процессов культуры

и их распространения от политических и административных границ, процессов колонизации, дорог и путей сообщения, влияния торговых и административных центров и т. п. Кроме того, хронологически приурочив данные явления культуры, связанные с определенной территорией, и сочетая их с историческими фактами, придется поставить перед учеными целый ряд новых проблем, которые до сих пор оставались в тени из-за недостатка основных научных трудов (отсутствии этнографического атласа). Благодаря этому в совершенно ином свете предстанет распространение тех или иных элементов культуры среди различных групп, если упомянутый процесс будет исследован на фоне экономических, социальных или политических явлений.

Более тесная связь между исследованиями традиционной культуры и историческими явлениями позволит также выяснить целый ряд недоразумений, являющихся следствием преувеличения консервативного характера культуры широких масс. Новая точка зрения поможет выяснить, что исторические факты, образующие различие формы жизни народов, могли влиять и на народную культуру. Окажется также, что культура широких масс не менее чувствительна к экономическим, политическим и социальным переменам, чем культура господствующих классов.

Несмотря на то, что вокруг создания этнографического атласа польских земель постоянно нагромождаются различного рода препятствия, энтузиазм и самопожертвование руководителей и сотрудников, приступающих к предварительным работам, сулят лучшие надежды на будущее. Все это дает основание полагать, что вступительные работы, которые велись в самых трудных условиях, не будут приостановлены из-за тех или иных препятствий и что это важное дело.

В последнее время этнографическая секция Варшавского научного общества энергично взялась за работу. Потери этого общества были не менее значительны, чем других научных учреждений столицы. Самой большой потерей для упомянутой секции явилась смерть ее многолетнего руководителя, покойного проф. Станислава Понятовского, погибшего в концлагере.

Несмотря на эти потери, секция сумела при новом составе руководителей и сотрудников возобновить свою деятельность. Уже возвращена большая часть богатой библиотеки; составляются инвентарь и каталоги по различным отраслям.

Наряду с довоенными учреждениями, которые с большим трудом оправляются после хаоса разрушения, призваны к жизни новые. Учрежден Институт народных культур, столь близкий сердцу каждого этнографа, Институт изучения народного искусства и Центральный институт культуры, охватывающий своей деятельностью также область народоведения. Институт народных культур организует библиотеку, ограничивая пока этим свою деятельность. Дирекция Института собрала во время экскурсий по стране известное количество экспонатов. Благодаря хлопотам Института отремонтирована и приспособлена для музейно-исследовательских целей одна из загородных вилл.

Другим учреждением, которое посвящает свою деятельность вопросам народоведения, но в более узком масштабе, является Институт изучения народного искусства. Он возник на совершенно особых началах, частично благодаря любителям кустарного искусства, частично же в силу торговых соображений. Как научно-исследовательский центр, Институт должен сыграть двойную роль. Первой задачей Института будет централизация всех элементов народного художественного творчества. Особым разделом деятельности Института должна стать теоретическая разработка проблем, связанных с народным искусством. Надо точно определить критерии, по которым можно было бы отделить народное творчество от ненародного. Не менее интересным и важным вопросом является инструктаж. Одной из научных тем будет изучение формальной стороны произведений народного искусства, иначе говоря — его стиль. В данном случае сойдутся интересы историков искусства и этнографов.

Еще во многих других отраслях требуются добавочные исследования и комплексование материалов. Начатая работа в области народного строительства сулит хорошее будущее. В связи с этим перед Институтом народного искусства открывается широкое поле деятельности для творческого труда. Это принесет пользу не только теоретикам искусства и этнографам. Результаты научных исследований Института будут прочным фундаментом также для других трудов, так как в будущем Институт должен стать органом контроля и консультации для всей деятельности в области художественного народного творчества, что будет иметь особое значение для развития художественного производства и рукоделия в деревне и в городе.

Теоретические труды Института должны также стать регулятором в области купли и продажи кустарных изделий. Это даст возможность устранить хаос, который до сих пор царит на рынке, где рядом с ценными находятся безвкусные и небрежно сделанные предметы. Вытекающая отсюда польза (и для покупателя, и для производителя) очевидна.

В общей системе научных учреждений, деятельность которых посвящена культурной жизни в Польше, особая роль выпала Центральному институту культуры. Народная культура является только частью научных интересов Института, к тому же не исследовательского характера. В области народоведения по инициативе Института разработано лишь несколько вступительных тем; все же усилия Института направлены на инвентаризацию и охрану памятников старины.

Музеи

В Польше, где издавна интересуются народной культурой, не сумели еще создать благоприятной обстановки для развития сети этнографических музеев. Правда, до войны почти в каждом областном и даже уездном городе находились разрозненные этнографические экспонаты, но ввиду значительных недочетов нельзя их считать подлинными музейными коллекциями. До войны было два научных этнографических музея: в Варшаве (Этнографический музей при музее сельского хозяйства и промышленности, основанный в 1888 г.) и в Кракове (Этнографический музей им. Северина Удзели, 1911 г.). Варшавский музей подвергался перманентной реорганизации, в Кракове же, из-за тесноты помещения, музей был скорее складом. Коллекции этих музеев были исключительно польского происхождения.

Война ужасающе опустошила это скромное достояние. Варшавский музей был сожжен в 1939 г. В Варшаве уничтожены очень красивые коллекции народного искусства при Обществе поощрения кустарного промысла. Погибли и менее значительные коллекции в Лодзи, Ловиче, Плоцке и в десятках других городов.

Реконструкция и пополнение этнографических коллекций не всегда возможны. За исключением краковских коллекций, которые в общем недурно сохранились, можно будет выбрать очень немногое. Самым большим препятствием для приведения в порядок сохранившихся материалов является отсутствие инвентарных книг, — они пропали во время военных действий. Вследствие этого экспонаты не имеют паспортов, что является невозвратимой потерей, так как без паспортов предмет теряет свое научное и музейное значение. При таком положении вещей и при полном отсутствии подходящих помещений, перспективы этнографического музееведения нерадостны. Однако уже с 1945 г. Главная дирекция музеев и охраны памятников старины ведет работу по обеспечению уцелевших коллекций. Одновременно разыскиваются коллекции и экспонаты, вывезенные оккупантами. Кроме того, по всей стране ездят экспедиции с целью приобретения новых экспонатов. По данным Главной дирекции музеев и охраны памятников старины, сеть этнографических и народоведческих музеев в Польше такова:

Люблинская обл.: Люблин и Замостье — городские музеи.

Келецкая обл.: Кельцы — Святохжиский музей, Радом — Городской музей.

Жешувская обл.: Жешув, Пшемьсль, Ярослав — городские музеи, Санок — Музей Санюцкой земли.

Варшавская обл.: Плоцк — Музей Научного общества.

Лодзинская обл.: Лодзь — Этнографический музей, Лович, Серадз, Томашув — местные музеи, Петрков — Музей Петрковской земли.

Краковская обл.: Краков — Этнографический музей, Закопане — Татжанский музей им. Халубинского, Новый Сонч — Музей Сондецкой земли, Рабка, Мехув — местные музеи, Тарнув — Музей Тарновской земли.

Поморская обл.: Торунь, Быдгощ, Грудзюндз — городские музеи, Вроцлавск — Музей Куявской земли.

Мазурская обл.: Ольштын — Мазурский музей.

Гданская обл.: Картузы — Кашубский музей, Слупск — Музей-хранилище, Дерлув — местный музей.

Познанская обл.: Познань — Велькопольский музей, Лешно — местный музей, Курпик — Замок (местные коллекции и экзотика — Австралия), Губин, Зеленая Гора — городские музеи, Кемпно — местный музей.

Западно-Поморская обл.: Кошалин — Городской музей.

Силеско-Домбровская обл.: Бытом — Силеский музей, Гливице — Городской музей (хорошо составленные коллекции по этнографии и кустарным художественным промыслам), Ополе, Цешин — городские музеи, Пщина — местный музей.

Нижне-Силеская обл.: Оленья Гора, Бжег над Одрой, Кожухув, Валбжих — городские музеи, Кузница — Этнографический музей.

Кроме того, в ряде пунктов в Нижней Силезии (в Бялобжеге, Каменнотуте, Клодзке, Любани, Новой Соли, Широтаве, Свиданице и др.) находятся этнографические коллекции, являющиеся частью общемузейных коллекций.

Следует отдать должное самоотверженности группы работников, которые в труднейших условиях вырвали из хаоса и развалин этнографическое имущество в нескольких десятках пунктов, приведя его затем в надлежащий порядок.

В ближайшем будущем безусловно необходимо основание одного или двух центральных музеев; лишь на этом фундаменте можно будет создать сеть местных музеев Польши.

Остается открытым вопрос, должны ли в центральных музеях находиться этнографические коллекции только польских земель или же следует включить сюда общую этнографию. Эта проблема подлежит тщательному обсуждению тем более, что осуществление второго варианта вызовет довольно крупные расходы.

Издания

Несмотря на громадные трудности (нехватка бумаги, типографий и т. д.), научные этнографические и этнологические послевоенные издания достигли хоро-

ших результатов. Стал вновь выходить орган Польского общества народоведения «Люд»: первый послевоенный том (XXXVI) вышел уже в 1946 г. По своему содержанию и разносторонности затрагиваемых вопросов он явился продолжателем лучших традиций Польского общества народоведения. В 1947 г. вышел следующий, не менее ценный XXXVII том. Одновременно вышли из печати следующие издания Общества: VI том «Этнографических трудов и материалов» (т. VII в печати) и I том «Этнологических трудов». Университет им. Кюри-Складовской в Люблине издал работу Люблинского этнографического общества, обсуждающую программу Польского этнографического атласа. Надо надеяться, что в скором будущем возобновят свою деятельность издательства этнографических комиссий при Варшавском научном обществе и Академии наук в Кракове. Наряду с оживленной деятельностью Польского общества народоведения публикуют в более скромных размерах труды по этнографии и этнологии Балтийский институт, Центральный институт культуры, Западный институт и другие научные учреждения.

Особый характер имеют публикации по этнографии и этнологии, издаваемые кооперативом «Чительник». Это или учебники или же небольшие брошюры под общим названием «Ведза Повшехна», выходящие тиражом в несколько десятков тысяч и посвященные основным проблемам этнографии и этнологии. Такой тип изданий имеет громадное значение для популяризации науки, в особенности в области этнографии и этнологии.

Кроме того, за последние два года издан ряд трудов, описывающих характерные особенности тех или других местностей Польши. Эти труды служат доказательством того, что исследования в области народоведения не были прерваны даже во время войны и оккупации.

Проф. В. Дыновский